

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Н. ШАПИНСКАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ СЕГОДНЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ*

Разнообразие подходов к современной социальной теории

Исследования в области социальной теории в последние десятилетия начинают приобретать значительное место в исследованиях культуры и общества. К этому направлению обращаются столь видные социологи, как Э. Гидденс, под чьей редакцией еще в конце 80-х гг. вышло весьма представительное исследование, посвященное этой новой области исследования, — «Социальная теория сегодня»¹. Несмотря на то, что со времени выхода этой книги прошло более десяти лет, основные ее положения продолжают оставаться вполне актуальными.

В книге содержится систематическое изложение основных направлений социальной теории, которая рассматривается как междисциплинарная область исследования. Проблемы социальной жизни и культурных продуктов человеческой деятельности изучаются как социальными, так и гуманитарными науками. Социальная теория затрагивает такие проблемы, как статус социальных наук, в особенности по отношению к логике естественных наук, природа законов или обобщений, которые могут быть установлены, интерпретация человеческих действий и их отличие от объектов и событий в природе, характер и форма социальных институтов². Несомненно, в социальную теорию входит также множество более узких тем и проблем.

В любом случае ее определение является противоречивым и неоднозначным. Авторы книги утверждают, что в последние годы в социальной теории происходят значительные изменения. Они связаны с общими переменами по отношению к исследованиям общества и культуры, происшедши-

* Статья опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество». 2005. Т. 7. Вып. 1. С. 100-116.

¹ См.: Social Theory Today / Ed. by A. Giddens, J. Turner. Stanford, California, 1988.

² См.: Social Theory Today. P. 1.

ми во второй половине XX в. В годы, последовавшие за Второй мировой войной, в общественных науках преобладали взгляды, сформировавшиеся под влиянием логического эмпиризма в философии. Несмотря на их разнообразие, они включали некоторые общие элементы, такие как недоверие к метафизике, желание четко определить область «научного», акцент на достоверности понятий, предпочтение дедуктивным формам теории.

Важной частью этого взгляда была идея так называемой «унифицированной науки», которая отрицает существование важных логических различий между естественными и социальными науками. Логический эмпиризм рассматривался не как частная философия науки, чьи предпосылки могли бы быть поставлены под вопрос, но как общая модель всякой науки. Вопрос интерпретации практически исключался из исследования. Естественные науки не рассматривались как интерпретативные, поскольку их основной целью считалась формулировка законов, в то время как значение теорий и концептов, как предполагалось, было непосредственно связано с эмпирическими наблюдениями. С этой точки зрения, социальные науки не являются интерпретативными по своей сути, хотя их предмет связан с интерпретативными процессами культуры и коммуникации. В результате понятие *Verstehen* — понимание значения — было отвергнуто как теоретиками, так и исследователями практического направления.

Тем не менее, в последние декады XX в. в исследованиях общества и культуры происходят драматические изменения. Под влиянием таких авторов, как Кун, Тульмин, Лакатос, ослабевает влияние логического эмпиризма в философии естественных наук. На его место приходит «новая философия науки», содержащая идею о невозможности теоретически нейтрального наблюдения, а системы дедуктивно связанных законов уже не считаются идеалом научного объяснения. «Наука начинает рассматриваться как интерпретативная деятельность, соответственно, проблемы значения, коммуникации и трансляции становятся непосредственно релевантными для научных теорий»³. Эти сдвиги в научном мышлении не могли не повлиять на исследования в области общественных наук, что, в свою очередь, привело к возникновению большого числа подходов к теоретическому мышлению.

На первый план выступили ранее мало известные и недостаточно оцененные теоретические построения, такие как феноменология, особенно в том виде, в каком она была разработана в работах А. Шюца, герменевтика, на которой основывались труды Гадамера и Рикёра, критиче-

³ Social Theory Today. P. 2.

ская теория, представленная в последние годы в работах Хабермаса. Более того, внимание ученых обратилось к более старым интеллектуальным традициям, таким как символический интеракционизм в США и структурализм и постструктурализм в Европе. Можно было наблюдать возникновение интереса к таким направлениям, как этнометодология, теория структуризации и «теория практики», связанная с именем П. Бурдьё. Несмотря на это разнообразие методов и подходов, продолжает сохранять актуальность и классика, в частности, структурный функционализм Парсонса, который переживает возрождение в трудах таких ученых, как Н. Луман, Р. Мюнх, Дж. Александер. Социальная теория, таким образом, представляет собой сочетание разнообразных подходов, которое может иногда ввести в замешательство.

Такое разнообразие подходов не могло не привести к самым разным реакциям со стороны как теоретиков, так и практиков общественных наук. Исследователи-эмпирики увидели в этом разнообразии подтверждение своего мнения о том, что теоретические дебаты не имеют большого значения для практических исследований. В результате возник довольно значительный разрыв между исследователями, которые, возможно, продолжают считать себя позитивистами, и теоретиками, которые принадлежат к самым разным направлениям. С другой стороны, многие исследователи приветствовали диверсификацию социальной теории, считая конкуренцию в области идей весьма плодотворным явлением, которое помогает избежать догматизма, свойственного приверженности одной-единственной мыслительной традиции.

По мнению Гидденса и Тернера, редакторов «Социальной теории сегодня», большинство ученых, работающих в области социальных наук, находятся между этими двумя крайностями, считая необходимым упорядочение разнообразных направлений. Они также указывают на то, что «видимый взрыв конкурирующих версий социальной теории скрывает больше упорядоченности и интеграции между конкурирующими точками зрения, чем может показаться на первый взгляд»⁴. Необходимо отметить, считают ученые, ряд моментов, важных для конструирования исследовательского пространства социальной теории.

1. Существует взаимосвязь между различными подходами, которая может быть проиллюстрирована на примере этнометодологии. На ранних стадиях своего становления этнометодология рассматривалась ее оппонентами и критиками как радикально отличная от других течений в общественных науках. Только в настоящее время стало ясно, что работы

⁴ Social Theory Today. P. 3.

ученых, связанных с этим направлением, внесли вклад в разработку проблем, которые важны для всей области социального знания. Стало также ясно, что существуют тесные связи между проблемами, которыми занимается этнометодология, и проблемами других теоретических традиций. Так, к примеру, акцент на «методологическую» природу использования языка в контекстах социальной жизни имеет большое значение для более общих вопросов социальной теории.

2. Существуют линии развития, общие для целого ряда теоретических подходов, которые стали широко известны в последние декады XX в. Так, большое внимание приобрела проблема природы действия. Но, как стало очевидным, анализ человеческого действия не должен приводить к преувеличению акцента на субъективности. Скорее, он может соединить весьма сложную «теорию субъекта» с более «институциональным» анализом.

3. Нельзя отрицать, что существует определенный прогресс в разрешении вопросов, которые ранее считались неразрешимыми или не анализировались непосредственно. В результате соединения различных направлений мысли стало ясно, что «разделение между *Erklaren* (или пониманием с точки зрения законов причинности) и *Verstehen* было ложным. *Verstehen* не является по преимуществу психологической проблемой, она включена во все проблемы, касающиеся интерпретации значения»⁵.

Книга «Социальная теория сегодня» дает широкий взгляд на наиболее влиятельные теории современности. Само разнообразие представленных авторов показывает богатство и важность этой дисциплины для понимания сложных явлений культуры и общества.

Какова природа науки об обществе?

Этот вопрос неизбежно встает перед исследователями всех направлений. Вполне очевидно, что не существует единого мнения о том, какой должна быть эта наука, если она вообще возможна. Многие исследователи отвергают концепцию социологии как «аксиоматической» науки и считают, что ее задачей являются абстрактные законы и применение их в обобщенных дедуктивных схемах.

По мнению Тернера⁶, абстрактные законы должны быть подкреплены аналитическими моделями, которые детально специфицируют причинные процессы, происходящие для соединения переменных в абстракт-

⁵ Social Theory Today. P. 4.

⁶ См.: Turner J. Analytical Theorizing // Social Theory Today.

ном законе. Классические концепции, становясь частью социальной теории, подвергаются пересмотру и определенной модернизации.

Так, Мюнх⁷ полагает, что теория действия Парсонса может быть использована для порождения нового общего фрейма, который может стать организующим началом для ряда теоретических и методологических подходов. С точки зрения методологии, «Мюнх рассматривает идеальные типы, идиографию, номологические гипотезы и конструктивистские модели как способные быть понятыми и, возможно, примиренными, в рамках более общего фрейма. Точно так же различные способы объяснения событий – телеономический, каузальный, нормативный и рациональный – могут быть упорядочены внутри общего понятия действия»⁸. Таким образом, Мюнх защищает эклектику, но в то же время отстаивает позитивистский взгляд на социальную теорию: она должна порождать и проверять теории в систематических терминах.

В то же время в рамках дебатов о социальной теории получили распространение взгляды, основанные на предпосылке, что предмет социальной науки препятствует ориентации на естественные науки. С этой точки зрения весьма интересна разработка различных направлений интеракционизма Чикагской школой. С одной стороны, прагматическая, ситуационная и сконструированная природа взаимодействия, а следовательно, и социальной организации делает невозможными вневременные «законы» и «обобщения» позитивизма. С другой стороны, многие интеракционисты, включая самого Г. Мида, стремились раскрыть базовые качества взаимодействия и сформулировать универсальные законы, управляющие ими.

При анализе этнометодологии встает вопрос о присутствии «науки» в социальной теории. Этнометодологи обычно являются сторонниками детального описания эмпирических процессов, в результате чего возникает вопрос о том, что составляет «объяснение» и являются ли описания «научными».

Многие авторитетные исследователи гораздо более категорично утверждают фундаментальное отличие социальных и естественных наук. Это направление представлено в данном томе работами Вильсона, Кохен, Александра и Гидденса. Александер, хотя и не отрицает напрямую идею того, что законы социальной жизни могут быть открыты, полагает, что по поводу этих законов невозможно достигнуть консенсуса и что природа данных социальной науки никогда не может сделать их определен-

⁷ См.: *Munch R. Parsonian Theory Today: In Search of a New Synthesis // Social Theory Today.*

⁸ *Social Theory Today.* P. 5.

ными. По его мнению, социальный анализ будет всегда предполагать дискурс и дебаты по поводу предпосылок теорий и релевантности данных для проверки этих теорий.

Многие теоретические и эмпирические заключения социальной теории предполагают интерпретацию значения исследователем. Использование научных методов, в частности математических, может быть лишь вспомогательным для упорядочения данных. В этой связи хочется отметить акцент на количественные методы в современных социологических исследованиях, что показывает недостаточность количественных методов для понимания процессов, происходящих в культуре и обществе. С этой точки зрения, правомочен и вывод Гидденса по поводу несостоятельности структурализма и постструктурализма в плане объяснения человеческой «агентности», а также процесса, при помощи которого эта агентность работает, чтобы производить, воспроизводить и изменять структуру⁹.

Понятия «агентности» и его импликации разработаны в теории структуризации Гидденса. В соответствии с ней, теория может лишь высветить «конституирующие потенциалы социальной жизни», которые используются акторами для производства и воспроизводства социальных паттернов. Отсюда непохожесть социальной науки на естественную — ее агенты могут изменить саму природу ее содержания — паттернов социальной организации.

Как мы видим, старые споры о специфике науки об обществе и ее отличии от наук о природе продолжают занимать умы исследователей. Можно утверждать, что отказ от логического позитивизма преобладает в социальной теории, несмотря на то, что дискуссия не закончена, а «естественное» направление в исследовании общества все еще имеет своих приверженцев.

Каков основной предмет социальной теории?

Этот вопрос находится в центре многочисленных дискуссий и связан с рядом проблем. Что представляет собой социальный универсум? Каковы наиболее фундаментальные свойства Вселенной? Как возможно (или необходимо) анализировать эти свойства? При постановке этих вопросов неизбежно возникают фундаментальные философские темы, такие как редукционизм, реализм и номинализм. Согласно мнению Александера, все исследования так или иначе связаны с этими базовыми ос-

⁹ См.: *Giddens A. Structuralism, Post-structuralism and the Production of Culture // Social Theory Today.*

нованиями, так как авторы опираются на «классику», чтобы подкрепить свою точку зрения. «Взаимоотношение между социальной наукой и классиками — это вопрос, который вскрывает глубочайшие проблемы не только в социальной науке, но и в исследованиях культуры в более широком смысле.

Я утверждаю, что классики занимают ведущее место в современной социальной науке... В последнее время появился мощный аргумент против включения современных проблем в анализ классических текстов, которые должны быть рассматриваемы чисто исторически. Чтобы ответить на вопросы об отношениях социальной науки и классиков, необходимо подумать о том, что представляет собой эмпирическая социальная наука и как она связана с наукой о природе. Необходимо также подумать о том, что значит «анализировать классику» и какое отношение эта «историческая» деятельность» может иметь к современному научному знанию»¹⁰.

Каково бы ни было отношение исследователя к классике, мнения относительно первичных задач социальной теории в значительной мере расходятся. Некоторые исследователи призывают к микроанализу поведения и взаимодействия в конкретных контекстах, в то время как другие предпочитают макроподходы, а третьи стремятся к объединению микро- и макроподходов. На примере символического интеракционизма в книге показывается, какое разнообразие мнений может существовать в рамках одной интеллектуальной традиции относительно того, что является фундаментальным для социального мира. «Прагматические корни символического интеракционизма подчеркивают важность человеческой агентности, где акторы конструируют курсы поведения в конкретных ситуациях, но вопрос того, что именно конструируется, остается проблематичным.

Мид подчеркивал воспроизводство социальных структур через биохевиористские способности разума, личности и принятия роли, но современные интеракционисты занимают полярные позиции по вопросу, чему следует отдать предпочтение: самой структуре или процессам, производящим и воспроизводящим эту структуру. В то время как Мид видел эти процессы как две стороны одной медали, современные теоретики разделены во мнениях по вопросу, до какой степени структура ограничивает действие, и наоборот»¹¹.

Несмотря на разнообразие подходов в рамках этнометодологии, по мнению Гидденса и Тернера, ее основной идеей является изучение про-

¹⁰ *Alexander J. The Centrality of Classics // Social Theory Today. P. 11.*

¹¹ *Social Theory Today. P. 8.*

цессов взаимодействия, в особенности связанных с речью и разговором, при помощи которых акторы создают объяснение и ощущение внешнего, фактуального мира. Как полагают некоторые исследователи, важнейшая социальная реальность — это контекстуальная и индексическая интерпретация знаков и символов, существующих среди позиционированных определенным образом акторов.

По контрасту с этой точкой зрения проводит свой анализ развития функционализма Парсонса Мюнх¹². Несмотря на важность таких терминов, как «значение» и «действие», настоящим предметом теории функционализма является сложная система взаимосвязанных действий. В таком случае реальность существует на различных системных уровнях, которые охватывают практически все ее аспекты. Теоретический анализ действия почти всегда сосредоточен на структуре и функции систем и подсистем, на их использовании различных символических медиа, их способах интеграции и видах адаптации к различным типам окружения. Поведение индивидов в конкретных ситуациях рассматривается как подчиненное взгляду на «величественный социальный универсум», состоящих из четырех систем действия, основанных на органическом, телесном и физико-химическом универсуме.

Дальнейшее развитие социальной теории

Во многом процесс развития социальной теории зависит от приверженности определенным предметам и определенной философии социальной науки, считают Гидденс и Тернер. Между, на первый взгляд, несходными направлениями можно проследить связи и некую общность. Так, на первый взгляд, не имеющие ничего общего теория структуризации Гидденса и разработка Мюнхом теории действия Парсонса имплицитно основываются на сходной стратегии построения теории: они создают концептуальную основу (фрейм), которая может быть использована для интерпретации отдельных эмпирических случаев. Несмотря на разницу в возможных типах объяснения, оба направления заинтересованы в создании теории, основанной на онтологии. «Теория для них — это возможность понять основные черты человеческой агентности и институциональных паттернов»¹³.

Социальная теория предстает в книге как разнообразное и противоречивое исследовательское пространство. Не существует единого мнения по поводу ее основных положений: какого рода социальная наука

¹² См.: *Munch R. Parsonian Theory Today // Search of a New Synthesis.*

¹³ *Social Theory Today.* P. 9.

возможна, что должно быть ее предметом, какие процедуры она должна применять. Можно сказать, что социальная теория находится в стадии интеллектуального брожения. Для ряда исследователей этот факт является вполне приемлемым, в то время как для других он ведет к замешательству и стагнации. Из разнообразных материалов, представленных в книге, мы выбрали одну из работ, о которых речь шла выше, для более подробного анализа: статью Гидденса «Структурализм, постструктурализм и производство культуры»¹⁴.

На наш взгляд, является весьма симптоматическим, что столь видный социолог, как Гидденс, которому во многом обязан выпуск «Социальной теории сегодня», обращается к проблемам языка, которые занимают одно из центральных мест в современном научном дискурсе. В то же время эта работа дает возможность понять, каким образом социальная теория разрабатывает интеллектуальные традиции прошлого, даже если они потеряли свою актуальность в первозданном виде, как считает Гидденс, анализируя структурализм и постструктурализм. Хотя эти теории, по его мнению, и не изменили наш интеллектуальный универсум, тем не менее, они привлекли внимание к важным проблемам, отнюдь не устаревшим и в наши дни.

Несмотря на разнообразие течений внутри структурализма, существует ряд проблем, которые ставятся в работах всех авторов, причисляемых к этому направлению (даже если они сами избегают термина «структурализм»). Собственно к структурализму Гидденс относит Соссюра и Леви-Стросса, в то время как большинство франкоязычных авторов, которые негативно отнеслись к ряду идей раннего структурализма, но в то же время использовали его идеи в своей работе, объединены постструктуралистским направлением (Фуко, Лакан, Альтюссер, Деррида и другие).

Объединяющим для обоих направлений является тезис о том, что «лингвистика, или, скорее, некоторые аспекты определенных версий лингвистики, имеют ключевое значение для философии и социальной теории в целом; акцент на относительную природу целостностей, связанной с тезисом о произвольном характере знака наряду с идеей о первичности означающих по отношению к тому, что означивается; децентрация субъекта; особое внимание к природе письма и, соответственно, текстуальных материалов; интерес в характере темпоральности как связанной с природой объектов и событий. Все эти темы весьма важны для социальной теории сегодня»¹⁵.

¹⁴ Giddens A. Structuralism, Post-structuralism and the Production of Culture // Social Theory Today.

¹⁵ Giddens A. P. 196.

Проблемы лингвистики

В своей основе структурализм был как движением внутри лингвистики, так и попыткой показать значение понятий и методов лингвистики для гуманитарных и социальных наук в целом. Ключевой идеей структурной лингвистики можно считать сосюрское различие между *langue* и *parole*, которое расширяет изучение языка за пределы преходящего и контекстуального. Принимая во внимание это различие, язык предстает как идеализированная система, независимая от частных использований речи. Но в концепции *langue* содержится, по мнению Гидденса, противоречие. С одной стороны, язык рассматривается как психологический феномен, организованный в терминах ментальных свойств. С другой — язык — коллективный продукт, система социальных репрезентаций. Отсюда следует вывод, что если язык по своей сути представляет психическую реальность, знаки не являются произвольными, а их значения не определяются отношениями с другими элементами языка.

В основном структурная лингвистика выступила за «психологическую», а не за социальную версию *langue*. Именно с этих позиций Н. Хомский смог соединить идеи европейской лингвистики с «бихевиористским структурализмом» Блумфилда, Хэрриса и других американских лингвистов. «Заново определяя различие между *langue* и *parole* как различие компетенции и представления (перформанса) и радикально отходя от бихевиоризма Блумфилда и Хэрриса, Хомский смог воссоздать связь между менталистской основой языка со сложной моделью формальной лингвистики». Целью лингвистики Хомского является «эксплицировать синтаксические структуры идеализированного носителя языка»¹⁶.

Трансформационная грамматика Хомского — один из подходов, на который повлияли идеи Соссюра. Другим направлением, испытавшим это влияние, явилась лингвистика Пражской школы, которая, через Якобсона, оказала большое влияние на Леви-Стросса. По мнению Гидденса, Пражская школа основывается на «социальной» концепции *langue*. Если лингвистика Хомского фокусируется на компетентности индивидуального говорящего, то лингвистика Пражской школы концентрируется на языке прежде всего как на средстве коммуникации.

Леви-Стросс и Барт применили процедуры лингвистики к другим областям анализа. Рассмотрение лингвистики как основы структурализма имело определенные импликации. Прежде всего, лингвистика обладала строгостью, которой недоставало как в гуманитарных, так и в социальных науках. Во-вторых, лингвистика предлагает ряд базовых понятий, кото-

¹⁶ Giddens A. P. 197.

рые могут быть применены за ее рамками, в особенности *langue* и *parole*, но также и синтагматика и парадигматика, означающее и означаемое, идея произвольной природы знака и так далее. В-третьих, лингвистика создает ряд общих направляющих для формулирования семиотических программ.

Гидденс отмечает, что в результате связи между структурной лингвистикой и структурализмом в более широком смысле возникло мнение, что структурализм принял участие в общем «лингвистическом повороте», характерном для современной философии и социальной теории. Но надежды, возлагаемые на лингвистику, по мнению Гидденса, явно не оправдали себя. С другой стороны, «лингвистический поворот» предполагает не столько расширение идей, заимствованных у языка, в другие области человеческой деятельности, сколько исследование пересечения между языком и конституированием социальных практик. Критики структурной лингвистики указывают прежде всего на изоляцию языка от социального окружения, в котором он используется.

В этой связи Гидденс указывает и на ряд недостатков теории Хомского с точки зрения понимания некоторых элементарных черт языка. Прежде всего это касается основных черт лингвистической компетентности. «По мнению Хомского, идеализированный носитель языка может бессознательно «ухватить» правила, делая возможным производство и понимание всех грамматических предложений в языке. Но это не является подходящей моделью компетентности. Кто-то, кто может в любом данном контексте произвести какое-либо предложение, будь оно синтаксически правильным, будет рассматриваться как явно заблуждающийся. Лингвистическая компетентность предполагает не только владение синтаксисом, но и владение обстоятельствами, которым соответствуют определенные типы предложений»¹⁷.

Таким образом, владение языком неотделимо от владения разнообразными контекстами, в которых он используется. Гидденс приходит к выводу, что лингвистика не может предоставить модель для анализа природы агентности или социальных институтов, поскольку она сама может быть объяснена только при условии понимания последних. «Лингвистический поворот» можно рассматривать как поворот от лингвистики как независимой дисциплины в сторону взаимной координации языка и *Praxis*.

Относительная природа целостностей

Из мнения Соссюра о том, что языковая система формируется только через различия, можно сделать вывод о том, что лингвистическая це-

¹⁷ Giddens A. P. 200.

лостность не существует в контекстах использования языка. Может показаться, что акцент на конституцию целостности через различия, скорее, уводит от означающих, чем ведет к ним. Тем не менее, концентрация на качествах означающих явно следует из взглядов Соссюра по причине отказа от идеи, что существует нечто подлежащее языку, что объясняет его характер. Хотя сама по себе субстанция означающих не важна без различия, которое создают звуки, отметины или другие материальные дифференциации, не могло бы существовать никакое значение, отмечает Гидденс. Соответственно, программа семиотики — не просто придаток соссюровской лингвистики, но исследование самого *langue*.

Относительный характер целостности, произвольная природа знака и различия — Гидденс выделяет эти понятия как основу структуралистского и постструктуралистского подхода в целом. В то же время именно они являются той чертой, которая отделяет структуралистов от постструктуралистов. Несомненно, очертить границы целостности очень трудно. Поэтому для многих исследователей более важным является рассмотрение самой природы различия. В лингвистике такой подход использовался Якобсоном, который стремился сфокусировать свое внимание на базовых структурных качествах кода, скорее, чем на параметрах самих кодов.

Гидденс анализирует вклад, внесенный Жаком Деррида в разработку понятия различия, и считает, что в его понятии целостности как «отсутствия» скрыта «ностальгия по присутствию».

Одной из слабых сторон структурализма и постструктурализма является, по мнению Гидденса, понятие произвольного характера знака. Как признавал еще Соссюр, условности, содержащиеся в использовании языка, не являются произвольными в том смысле, что пользователь языка свободен выбирать свои высказывания. В особенности слабым представляется тезис о произвольной природе языка, поскольку он имеет отношение к природе означаемого, а не означающего. «Если произвольная природа знака — то же самое, что идея относительно конституирования языка через различие, это содержит импликацию для природы значения», что является весьма важным в анализе феноменов культуры и общества. Другую слабость структуралистской и постструктуралистской мысли Гидденс видит в том, что они не смогли объяснить понятие референтности, концентрируя внимание на внутренней организации текстов и на игре означающих.

Гидденс подробно анализирует различные проблемы, связанные с теорией структурализма и постструктурализма, выделяя среди них децентрацию субъекта, проблему письма и текста, истории и темпоральности.

Однако особо важным для анализа современной культуры и общества представляется проблема культурного производства.

Сигнификация, культурное производство и письмо

Теория культурного производства, утверждает Гидденс, не может быть развита без адекватного понимания природы «человеческих агентов». Интерпретация агента гораздо важнее, чем субъекта, и, соответственно, не только понятие субъективности, но и агентности нуждается в тщательной разработке. «Субъекты — это, прежде всего, агенты. В разработке человеческой агентности на первый план должны быть выдвинуты два элемента, которые отсутствуют или находятся на вторичном положении в структуралистских объяснениях. Один — это то, что я ранее называл «практическим сознанием», другой — контекстуальность действия»¹⁸. Гидденс отмечает, что структуралистское мышление работает на контрасте сознательного и бессознательного.

Так, для Леви-Стросса и Лакана бессознательное — это «другое лицо» языка. Это то, что не может быть сказано в словах, но делает такое высказывание возможным. Но если мы стремимся понять человеческую жизнь с точки зрения практического действия, мы приходим к иному взгляду. «То, что невозможно выразить словами, как предполагает Витгенштейн, — это то, что должно быть сделано». Человеческое действие не разворачивается в результате запрограммированных импульсов. Оно происходит на уровне практического сознания, утверждает автор.

Говоря о контекстуальности действия, Гидденс стремится пересмотреть дифференциацию между присутствием и отсутствием. Социальная жизнь человека может быть понята с точки зрения отношений между индивидами, движущимися во времени-пространстве, связывающими действие и контекст, а также различные контексты. Контексты формируют «фон действия» (по терминологии Гидденса), который, наряду с взаимодействием, распределенным по времени-пространству и воспроизведенный в «обратимом времени» повседневной деятельности, является интегральным для структурированной формы, которой обладают как социальная жизнь, так и язык.

С этой точки зрения, сигнификация присутствует в фоне практического действия. Значение в языке не существовало бы, если бы не позиционированная и в то же время воспроизведенная природа социальных практик. Нахождение во времени и пространстве являются базовыми для порождения и поддержания значения. Гидденс предпочитает использо-

¹⁸ Giddens A. P. 214.

вать не слово «речь» (speech), звучащее, по его мнению, слишком формально, но «разговор» (talk), который является неформальным обменом репликами на фоне повседневной социальной жизни. На нем основываются все более сложные и формализованные аспекты использования языка, утверждает Гидденс.

Разговор, как это было убедительно показано Гарфинкелем, действует через индексичность контекста, которую не следует отождествлять с зависимостью от контекста. «Индексичность относится в такой же степени к использованию фона, чтобы произвести свободу контекста, в какой и к использованию элементов, специфичных для определенного времени и пространства в порождении значения. Тот факт, что значение производится и поддерживается через использование методологических приемов, является фундаментальным для исправления ошибок структурализма и постструктурализма. Значение не встроено в коды или наборы различий, ассоциированных с *langue*... Компетентный пользователь языка не просто усвоил набор синтаксических и семантических правил, но все условности, связанные с тем, что происходит в повседневных контекстах социальной деятельности»¹⁹.

Культурологический анализ фокусируется на отношении между дискурсом и тем, что Гидденс называет «культурными объектами». Под культурными объектами он подразумевает артефакты, которые выходят из контекстов присутствия/ состояния, но отличаются от объектов вообще, так как они инкорпорируют «расширенные» формы сигнификации. Основным типом культурных объектов являются, по мнению Гидденса, тексты, а также, принимая во внимание специфику современной культуры, электронные медиа. Культурные объекты имеют свои характеристики, отличающие их от языка как разговора. Автор выделяет следующие характеристики культурных объектов.

1. Культурные объекты предполагают дистантирование «производителя» от «потребителя». Это качество присутствует во всех материальных артефактах, которые включают процесс «интерпретации», отличающийся от «разговора» в контекстах соприсутствия. Интерпретация культурных объектов происходит без некоторых элементов общего знания, включенного в соприсутствие на определенном «фоне», и без координированного мониторинга, который является частью разговора «соприсутствующих» индивидов.

2. В результате «потребитель» или получатель становится более важным, чем производитель в интерпретативном процессе. В контекстах со-

¹⁹ Giddens A. P. 215.

присутствия производство и интерпретация речевых актов тесно переплетены.

3. Культурные объекты, в отличие от артефактов вообще, предполагают следующие характерные черты:

- Прочный медиум передачи через контексты. Под «медиумом» Гидденс понимает как физическую субстанцию культурного объекта, так и способы ее распространения по различным контекстам.

- Способы хранения, которые предполагают кодирование. Под «хранением» автор понимает оставление следов там, где информация может быть сохранена в условиях эфемерности разговора. Информацию нельзя хранить так же, как материальные ресурсы. Она хранится, как утверждают структуралисты и постструктуралисты, как «спецификация различий». Кодирование относится к упорядоченным качествам различий между следами.

- Способы восстановления. Восстановить информацию — значит владеть формами кодирования, которые она заключает в себе. Восстановление предполагает существование человеческого агента, который обладает определенными умениями, к примеру, грамотностью. В настоящее время оно предполагает также использование технологии, без которой доступ к закодированному материалу закрыт.

Природа культурных объектов может быть понята, по утверждению Гидденса, только в соотношении с «разговором». Общеизвестным является мнение о существовании тесной взаимосвязи между культурой, языком и коммуникацией. Это взаимоотношение следует понимать с точки зрения базовой роли, которую «разговор», существующий в контекстах практического действия и соприсутствия, играет в порождении и поддержании значения. «Язык является средством коммуникации, но коммуникация не является целью разговора.

Скорее, разговор выражает различные виды деятельности, которые он информирует. Значение культурных или информационных объектов заключается в том, что они вводят новые виды медиации между культурой, языком и коммуникацией. В контекстах практического действия коммуникация через разговор всегда должна быть «разработана» участниками, хотя большая часть такой работы делается рутинно, как часть процесса рефлексивного мониторинга в практическом мониторинге. Культурные объекты нарушают эту симметрию»²⁰.

Означающее, которое представляет собой видимый, восстановимый след, приобретает особое значение. Это заметно и в структурализме с его

²⁰ Giddens A. P. 217.

повышенным вниманием к письму и к означаемому. В то же время дифференциация означаемого от практических контекстов переосмысливает понятие коммуникации по причине большего интерпретативного усилия, чем это необходимо. Коммуникация уже не считается чем-то само собой разумеющимся результатом методологических процедур, связанных с поддержанием разговора. Для создания коммуникативной связи между культурным объектом и его интерпретатором необходимо выполнить более определенные герменевтические задачи.

По мнению Гидденса, своим возникновением герменевтика обязана трудностям, заключенным в интерпретации текстов. Причиной того, что герменевтический элемент не играл большой роли в структурализме и постструктурализме, является, по его утверждению, то, что сигнификация обычно рассматривалась с точки зрения внутренней организации кодов или как игра означающих, а не как «восстановление значения».

Другой проблемой, к которой обращается Гидденс в связи с его критикой структурализма и постструктурализма, является проблема письма, столь значительная для этих направлений и получившая дальнейшее развитие в современных исследованиях, особенно в связи с вниманием к дискурсу, тексту, чтению и т.д. Гидденс признает, что если в структурализме и не был найден ответ на вопросы об отношении интенций автора и интерпретации текста, теории текста и теории чтения, то по крайней мере был сформирован новый взгляд на эти проблемы.

Гидденс не соглашается с Ж. Деррида относительно того, что язык сигнификации лучше всего эксплицирован через письмо. Тем не менее, он не считает, что письмо — это просто репрезентация разговора. «Точно так же как изобретение письма внесло нечто новое в историю, производство текстов включает в себе качества, отличные от тех, которые присутствуют в повседневном разговоре. Для понимания специфики письма необходимо обратиться к истории его происхождения. Вначале письмо было средством записи — «хранением» в чистом виде. В аграрных государствах оно делало возможным координацию материальных ресурсов и человеческих действий через время и пространство. Поэтому письмо никогда не было «переводом» вербального в визуальное. Оно выражало новые типы координации деятельности во времени-пространстве. Самые ранние тексты — списки, перечисления — не имеют автора. Более важными, чем люди, которые производили их, были те, для которых они производились, и то, как они использовались»²¹.

²¹ См.: *Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. L., 1981.*

Отсюда автором делается вывод о том, что письмо отличается от разговора не только своими внутренними качествами, но и более общими типами социальной организации, в которую они включены. Письмо отдает преимущество пространству, в то время как разговор включает в себя последовательность и серийность в большей степени, чем линейность. Так, читателю нет необходимости проследить весь текст — он может посмотреть в конце раньше, чем в начало²².

Выйдя за пределы фиксации простых списков, письмо становится «искусством» таким образом, который отличает его от разговора. Последний тоже может быть искусством, и во всех типах общества существует искусство рассказа, риторики и драмы. Однако успех этих вербальных форм непосредственно связан с их перформансом в контекстах соприсутствия. Письмо же, как искусство, будучи процессом производства, имеет другие характеристики. Оно не является перформансом для публики. Разговор является индивидуализированным производством, речь имеет серийный характер, поскольку только один говорящий может говорить в данное время в данном контексте соприсутствия. В случае письма, как правило, неважно, сколько индивидов было вовлечено в его производство²³.

Обычный язык является, по определению Гидденса, «открытым». Большинство слов и фраз, используемых в повседневном разговоре, не имеют четких лексических дефиниций. Но это не означает, как было показано Витгенштейном, что повседневный язык является неопределенным или смутным. Своей четкостью он обязан использованию в контексте. Фон разговора используется его участниками для определения природы того, что говорится. Открытость письма имеет другую природу. «Она основана на «приостановке» заключенной в нем «соотнесенности» (референтности)».

Гидденс поясняет эту фразу таким образом. Письмо чаще всего используется для соотнесения с объектами и событиями в мире, что особенно заметно в случае списков. Референциальные свойства письма не зависят от референциальных качеств разговора, который происходит и организуется внутри практических контекстов действия. Значение в разговоре, таким образом, поддерживается через постоянную связь с модаль-

²² Эта особенность письма нашла свое яркое выражение в постмодернистских текстах, которые «обыгрывают» ее, намеренно лишая текст темпоральной последовательности и предлагая читателю начинать с любого места, что не мешает утраченной целостности нарратива.

²³ Это положение весьма явно прослеживается в современном массовом культурном производстве, где авторство является, в большинстве случаев, корпоративным. В таком случае, многочисленные тексты массовой культуры, продукты «культурной индустрии» можно отнести к «письму», хотя затем они и обретают перформативную форму.

ностями повседневного опыта, чего не происходит в случае письма. Поэтому даже наиболее «соотнесенные» утверждения могут быть прочитаны риторически или фигуративно.

Все эти соображения являются, по мнению Гидденса, весьма важными для проблемы автономности текста, поскольку дают возможность подойти к традиционному вопросу: насколько текст может быть понят без соотнесения с интенциями автора. Другим важным моментом в этом подходе является понятие агентности. Как отмечал Шюц, агенты обладают общими проектами, с точки зрения которых организована интенциональность их действий²⁴. Написание текста может предполагать именно такой проект. Автор может ставить перед собой ряд задач в производстве данного текста, но они могут быть вовсе не важны в его понимании.

Текст представляет собой «работу» в том смысле, что он предполагает процесс контролируемого производства. «Автор, таким образом, не является ни сплавом интенций, ни серией следов, оставленных в тексте. Скорее, автор – это производитель, работающий в специфических условиях практического действия»²⁵. Это утверждение не решает вопроса о природе текста, о том, насколько возможна «правильная» интерпретация текста, фиксированная в отношении интенции автора, признает Гидденс.

Но, во всяком случае, вполне ясно то, что «проекты», которые побуждают автора произвести текст, имеют лишь маргинальное значение для его читателя. Не имеет также смысла задаваться вопросом о значении текста в целом, скорее, мы можем поставить вопрос: что хотел сказать автор в определенном предложении или параграфе? Значение в данном случае будет равно коммуникативному намерению, а последнее может быть различимо, только если все участники данного контекста взаимодействия разделяют общие формы знания. Несомненно, мы можем ставить подобные вопросы относительно текста: каково было коммуникативное намерение в данной части текста? Если автор недоступен, мы можем искать ответ на этот вопрос, исследуя формы общего знания, заключенные в том, что писал автор. Это означает, в свою очередь, что можно говорить о критериях точности интерпретации. Гидденс подчеркивает сложность нахождения таких критериев, поскольку они предполагают исследование условий производства текста, а также знание аудитории, которой был изначально адресован текст.

Гидденс признает ценность обсуждений проблемы «исчезновения автора» в рамках структурализма и постструктурализма. Отсутствие ав-

²⁴ См.: Schutz A. The Phenomenology of the Social World. L., 1972.

²⁵ Giddens A. Structuralism, Post-structuralism and the Production of Culture. P. 219.

тора относится не только к древним текстам – священным текстам, сагам, летописям, но и к большинству текстов, циркулирующих в современных обществах. Такие типы текстов, как отчеты, счета, файлы, не могут быть приписаны одному автору. Условия их производства как текстов могут быть поняты в связи с характеристиками, которые они разделяют с артефактами в целом. «Все артефакты, имеющие длительный характер, могут стать более или менее отделенными как от контекстов их начального производства, так и от проектов их создателей. Все артефакты могут также использоваться в целях или же быть интерпретированы таким способом, какой их создатели не могли даже вообразить»²⁶.

Открытость текста множеству интерпретаций никак не связана с его внутренней природой. Никакой текст не читается в изоляции – чтение происходит в рамках интертекстуальности и в обстоятельствах, которые предполагают общее знание. Гидденс отмечает, что многие современные теории, в основе которых лежит исследование чтения, в частности рецептивная эстетика, практически отошли от структурализма и постструктурализма. Тем не менее, поставленные в их рамках проблемы, хотя и не нашедшие удовлетворительного решения в этих направлениях, имеют немаловажное значение для современной социальной теории, которая может найти более эффективные пути их решения.

²⁶ Giddens A. P. 221.